

Геннадий ЗАХАРОВ
г. Петрозаводск

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО — ЭТО БЫЛО ДАВНО

*«А еще жизнь хороша тем,
что можно путешествовать».*

Н. Пржевальский

Все, о чем расскажу, происходило очень давно, более 50 лет тому назад, в годы моей молодости, в одном из тихих уголков Карелии на сямозерском берегу, а точнее, рядом с устьем реки Сяпсы, впадающей в озеро.

Берега, заросшие тростником снизу, у воды сверху обрамляли заросли густого чермушника и ольхи. А чуть выше были сенокосные угодья, развернувшие уже сейчас, в июне, широкий ковер пестрого цветущего разнотравья. Невозможно было любоваться подобными

картинами, не испытывая восхищения мастерством гениального художника — удивительной по красоте карельской природы. Можно представить, сколько горожан, случайно оказавшись здесь, испытывали, подобно мне, чувства зависти к жителям небольших дачных хуторков, обосновавших здесь свои скромные поселения. Размечтавшись, прикидывали: «Нельзя ли, ближе к пенсии, променять все сомнительные радости городской жизни на однуединственную — жить среди такой благодати на сямозерском берегу в тесном общении с природой и ничего другого больше не желать». Должен сказать, в подобных желаниях ни сейчас, ни сотни лет тому назад они были бы не одиноки. Эта неширокая речка, почти спрятанная в густом кустарнике крутых обрывистых берегов, подарила когда-то свое имя поселку

лесозаготовителей и рыбаков, а также необычному медицинскому учреждению, скрытому от глаз случайного человека — Сяпсинскому профилакторию лечения пациентов с неосложненными нарушениями психики.

Поселок Сяпся мало чем отличался от десятка подобных, если не считаться с некоторыми обстоятельствами его истории. Когда в 50–60-е годы минувшего столетия в округе оскудели вырубленные под корень сосновые и еловые боры, местные карелы не захотели покидать родовые наделы, обжитые и ухоженные дедами и прадедами на протяжении нескольких сотен лет и уходить с вербовщиками за «длинным рублем» в незнакомые места. Они организовали свое новое дело. Некоторые устроились на работу в животноводческие фермы совхоза «Эссойльский», другие создали рыбацкие артели и стали поставлять на городские и местные рынки свежую рыбу: судаков, сигов, лещей, ряпушку... Да и в самом поселке для «рукастых», умеющих все делать по хозяйству, нашлось достойное занятие — и сельхозтехнику ремонтировать в механических мастерских совхоза, и малую механизацию на скотном дворе, да и мало ли что другое, если понадобится. Почти каждому нашлась работа и по душе, и по опыту, и по знанию жизни. Не зря говорит пословица: «Где родился, там и пригодился». А самое главное, от чего бы никто никогда не смог отказаться — это сохраненный душевный комфорт. Известное дело, в своем родном доме всегда все лучше — и кирпичная печь еще дедовской кладки греет жарче, и уха с дымком из черного прокопченного чугуна вкуснее. Ну, а если вдруг что случись — один на один с бедой? Неправда — не один, соседи не бросят, помогут!

Вот от одного из таких уголков земли карельской, совсем рядом с Эссойлой, на сямозерском берегу, недалеко от рыбацкого пирса, что у самой окраины Сяпси, я начал однажды путешествие с надеждой на новые яркие впечатления, встречи с интересными людьми, необычными для горожанина приключениями, память о которых остается иногда на всю жизнь. Здесь поселковые рыбаки, причалив рядом свои моторные лодчонки и катера, обмениваются с земляками новостями, добытыми в озерном походе. О чем и какие это новости? Ну, напри-

мер, о том, что в Кудомской губе пошла на нерест салака или лещ, много ли уродилось брусники и черники на вырубках рядом с дальними островами. А вот о том, где выскочил на замшелых береговых скалах белый груздь — ни за что не скажут. Белый груздь, рыжики и морошка — это своеобразная валюта на местном и городском рынке, и чтобы добыть ее — надо очень шустро шевелиться.

Эти встречи на пирсе и разговоры о том о сем рыбаки называют «брехаловкой». Но польза от них все же есть. Ну, например, всегда можно вовремя узнать от знатоков о завозе в местную вагон-лавку дешевенькой и вкусной колбаски, сосисок, сахарного песка и гречки, договориться с владельцами известной во всей округе «бани по-черному» об аренде ее хотя бы на один вечерок.

Баня эта — предмет постоянных мечтаний знатоков парного кайфа — настоящая деревянная карельская баня, пришедшая в наш цивилизованный век из глубины веков. Кто бывал здесь хоть раз, вряд ли сможет забыть закопченные, пропитанные ароматом березовых, дубовых и вересковых веников, рубленные из грубо отесанных бревен стены, скамьи, дубовые бадейки с водой. Но обрести радости парного дела дано не каждому. Новички слушают «бывалых», разинув от удивления рты и с очень большим недоверием. Слишком уж пугающе выглядит эта парная со своими черными замшелыми стенами, черепичной крышей, проваленной в самом центре, узкими полуслепыми окошками, из которых, когда баню топят, вылезают винтом вверх, как фарш из мясорубки, толстые колбасы серого дыма. А вот знатоков и любителей экзотической бани, пришедшей к нам из глухого средневековья, такая картина не пугает. Каждому, кто изведал, выйдя из парной, радость оздоровления души и тела, будет еще много раз сниться и пышущая каменным жаром своих булыжников печь, уложенная в центре парилки прямо на земляном полу, и томление тела, исхлёстанного веником из дубовых, березовых и вересковых веток. После этого уже некуда деться от желания гостевать здесь рядом с этой парилкой еще много и много раз...

Причал перекинулся в сторону, надвинул дощатое охвостье своих хлипких мостков поч-

ти до самого крыльца очень значимого медицинского заведения, где лечатся, готовясь вернуться домой в семьи здоровыми, пациенты интерната. Не знаю, как это удастся здешним медикам, по совместительству и психотерапевтам, и лорам, и окулистам, и урологам, оказывать в авральном режиме срочную медицинскую помощь своим специфическим пациентам. Оказывают, имея смутные представления о праве на отдых в выходные.

Жизнь протекает здесь в рамках строгого регламента в спокойном русле без особых потрясений и невзгод, где каждый новый день предстает точной копией дня минувшего, а конфликты и недоразумения, которые все-таки случаются, носят невинный, легко разрешимый характер. Ну, скажем, о необходимости уступить товарищу по палате наиболее клёвое место на рыбацком пирсе или чуток потеснить нахального конкурента. Вода у пирса буквально кипит от плеска мелких окуньков и плотичек — поплавки рыбаков ныряют, едва коснувшись воды. Так что ссориться незачем, уха гарантирована каждому.

Вся эта идиллия моментально заканчивается, когда на причал со своими огромными бельевыми корзинами приходят прачки профилактория. Они без особых церемоний выгоняют с пирса и рыбаков, и глазеющих болельщиков, и, удобно устроившись на березовых чурбачках, начинают заниматься серьезным делом — полосканием свежевывестиранного белья. Не дай бог, если в этот момент занесет сюда нелегкая на своих моторках запоздалых городских рыбацков! Тогда, встав во весь рост, наши замечательные труженицы превращаются в разъяренных фурий. Размахивая над головой своими деревянными колотушками, они на уровне популярных и понятных каждому матюгов предлагают всем наглецам катить от пирса к «известной матери», не то!.. Понять такие угрозы можно без обиды. Лодочные моторы волокут за собой вихри песка и могут в одночасье угробить женский труд. Рыбаки послушно глушат моторы и на веслах уводят свои суденышки на «запасной аэродром». Поневоле проскакивает трусливая мыслишка: «Не дай бог попасть под горячую руку этим героическим валькириям». Так что разумней всего делать то, что говорят, и вести себя скромно. Мы здесь городские, по-

сторонние — это надо всегда помнить, потому что заезжую публику есть за что и не любить, и остерегаться: то заблудятся «в трех соснах», то уплывут на своих «резинках» не знай куда, и ищи-свищи их сутками по всему озеру, то утонут с пьяных глаз и объясняйся потом с участковым, что да как...

Мы с моим приятелем Славой Козловым здесь тоже не совсем свои, но и не чужие. Наши жены — моя Нина и Славина Томочка — подруги со студенческих времен нынешнего главврача профилактория Светланы Волковой. А Слава Козлов — инженер-электрик, обслуживающий Сяпсинскую трансформаторную подстанцию.

Сегодня у нас семейный выезд в гости к Светлане и, конечно же, на природу. Мы долго мечтали о рыбалке, поиску хороших грибных мест, болотца с еще не обобранной морошкой. Ну а нашим женам хочется загорать, купаться, плавать, заходя в воду по мелководью далеко от берега по золотистому песочку природного пляжа, собирать цветы и всевозможные засохшие корешки, веточки и шишечки для оформления домашних уголков уюта. Даже не верится, что сегодня все это сбылось. Народ на пирсе провожает нас на рыбалку. Сейчас у нас одна стратегическая задача — как можно быстрее отчалить от пирса и умчаться на катере почти на двое суток «в море» к нашим заветным окуневым и судаковым лудам. Мы только что подошли к причалу с безопасной стороны, чтобы не иметь неприятностей с прачками, спешно перекидываем в свой маленький дюралевый катерок рюкзаки, корзинку с бутербродами, большой пакет с баллонами пива и лимонада, а главное, прикорм для лещей, банки с червяками, коробки с блеснами, донки, спиннинги. Нам помогают укладываться жены.

«Боже мой, — ворчит моя Ниночка, — уезжают чуть больше чем на сутки, а еды набрали, словно на месяц. Мужики, ведь если не съедите — испортится все на солнце! Гляньте, денек-то какой разыгрывается!»

«Да уж, да уж, — вторит ей Томочка Козлова, — сколько там и чего наловят наши рыбаки, вилами на воде писано, а убытки, считая бензин, напитки, упрятанную бутылку «Московской» и прочее — почти на ползарплаты! А главное, за день так намотаются со своим катером и удочками, что ни дома, ни на работе от них толку нет.

Ходят, свесив головы, — как вчерашний день ищут! И это у них называется: «Отдохнули на рыбалке, набрались новых сил на всю неделю».

Мы миролюбиво отбrehиваемся. Не терпится как можно быстрее отчалить от пирса по горбатым волнам, которые плавно накатывает на пологий берег теплый июльский ветерок. Поспешать есть смысл. Мы видим, как к нашему пирсу вразвалочку шествует окутанный дымком своей вонючей махорочной сигареты местный, из старожилов Сяпси, дядя Вася Маккоев. Дошел, уперся глазом в грудь нашего походного барахла, останавливает взор на горлышках бутылок, торчащих из котомки, смачно сплёвывает, стараясь, очевидно, продемонстрировать нам полное равнодушие к увиденному в котомке.

Дядя Вася, конечно, догадывается, о чем меж нами сейчас идет речь: конечно, о нем, конечно, он надоел своим ворчанием, критикой нашей бесхозяйственности и равнодушием к его советам.

— На меня вам, мужики, обижаться грех. Нечто не знаете, ваш дядя Вася не «титкой деланный» мужик, а настоящий карел. Раз пришел — тревогу в душе имею, за вас, «мухоморов», переживаю. Вот сейчас гляжу на вашу поклажу и думаю: «Ну есть ли хоть голова у моих городских приятелей?» Сумки со всей снедью — бутербродами, тушеной капустой прямо на самое солнышко выставили. Да через 3-4 часа все это даже собаки жрать не станут. А банки с червями? Чем виноваты эти божьи твари перед вами? На катерном ходу полетят водяные брызги внутрь прямо на банки и запарят червей враз. На что ловить рыбу будете? Христа ради, уберите червей в носовой лючок. И потом, Славка, ты же чистый слон. Глянь, сколько якорной стропы намоталось у тебя вокруг сапога. А теперь представь, захочется тебе убрать из-под ног тяжелый чугунный якорь, а он возьмет и вырвется внезапно из рук на повороте и полетит за борт. А за якорем полетит за борт с петлей на сапоге в портках, куртке и модной шляпе наш дорогой Слава. Дай бог, чтобы случай тебя уберег, в чем я очень сильно сомневаюсь.

— Типун тебе на язык, ворона старая, иди домой, вон уже тетка Евдокия тебе палкой грозит и домой кличет. Ну, раз уж подошел к нам, еще

разок послужи. Как нам все-таки не проскочить вечером эту твою знаменитую дедовскую луду, где, как ты говоришь, судаки, лещи и щуки ждут нас, чешут брюхо о придонные камни, млеют и нежатся в мечтах пожрать на халяву наш замечательный импортный прикорм?

Дяде Васе не нравится наша бесшабашность: «Ну и ладно, уговорили, хотя о чем серьезном можно говорить с вами, «мухоморы» вы бесталанные? Что бы Васька ни сказал — у вас всё в одно ухо влетает и в другое вылетает. Еще раз и в последний объясняю: «Простукайте якорем дно от мыса Водяного острова до малюсенького островка напротив, на котором одна сосенка непонятно как за камни зацепилась. И вот там, где дно начинает горбатиться, вылезая на поверхность, — это и будет горбушка моей дедовской луды. Искать ее надо с чувством, с толком, с расстановкой и на тверезую голову, потому как проскочить мимо — пара пустяков. А потом еще без стыда и совести будете Ваську Маккоева в хвост и в гриву матюгами крестить за вранье. И мне, скажите, это надо?»

Мы хором успокаиваем нашего доброго советчика, не раз уже проверенного благодетеля в походных делах. Славка даже обещает в случае удачи поделиться с ним третьей частью добытой рыбы. Дядя Вася, не оценив нашу «щедрость», раскатисто хохочет, картинно отмахиваясь от этой виртуальной награды:

— Да уж, да уж, дожدهшься от вас подарочка. Вы лучше хотя бы одну из бутылок «Жигулевского», а если жаба жадности не задушит, еще маленькую «Московской» приложили бы — вот это была бы премия!

Я в восторге от Васиной бесцеремонности. Говорю Славе:

— Чего же ждать, маленькую ему потом, а сейчас делиться надо! Я выдергиваю из котомки одну из бутылок «Жигулевского», но передать ее — уже проблема — катерок отчаливает от пирса.

— Да бросайте мне бутылку, бросайте, — Васька поймает. А не поймает — из воды вынуть — пара пустяков.

Бросаю. Василий с ловкостью циркача ловит наш презент, картинно целует горлышко бутылки, посылает воздушный поцелуй и даёт экипажу долгожданную отмашку на удачу и на выход в рейс...

Вряд ли мы могли представить в тот день, что, отчаливая от гостеприимного сяпсинского берега, открываем очень важную страницу нашей походной жизни, что день этот станет красной датой в календаре нашей жизни. Но теперь обо всем по порядку, как же все это было...

Мы как под парусом Нептуна подлетели по Васькиным координатам к Водяному острову и без особых трудов нащупали с помощью якоря ту самую заветную полоску — луду на каменистом дне, заросшем придонными водорослями. Рыбацкий азарт был так велик, что оба мы забыли о своем желании сначала перекусить, выпить чайку из термоса, и только потом уже все остальное. За бортом в одно мгновение были раскинута проверенные уловистые снасти: удочки, донки, жерлицы на пластмассовых кружках. До спиннингов просто не доходили руки, потому что с ходу начался бешеный клев, мы едва успевали насаживать червей на крючки и почти сразу же, чертыхаясь, освобождать их от рыбной мелюзги. Мы ждали большего — серьезных трофеев: судаков, крупных окуней и обещанных Василием лещей величиной «с ресторанное блюдо». Подход этой рыбы, как предсказывал он, должен был начаться несколько позднее с румяного золотистого заката на вечерней зорьке. Вот, наконец-то, огненный шар светила, утомленного дневной работой, коснулся кромки воды, окрасив ее и все вокруг цветами угасающего холодного огня. В полном безветрии дремала водная гладь вокруг нашего катерка, играя на легкой водной зыби ярусами золотистых и серебряных лент разывавшейся зорьки. Один за другим вылетали из воды, поднимая за собой фонтаны брызг, горбатые красноперые окуни и небольшие судачки гораздо меньше предсказанного Васькой размера. Они яростно сражались с нашими наживками и блеснами, словно торопились как можно скорее очутиться в берестяном коробе. Жадные рыбацкие души терзала только одна шкурная мыслишка: «Хватит ли у нас червяков и другой наживки на утреннюю зорьку завтрашнего дня?» Мы начали экономить, насаживая на крючки малюсенькие потрепанные кусочки червей. Было забавно смотреть, перегнувшись за борт, как яростно бьётся за эту символическую добычу рыбная мелюзга. Мелочи было так много, что все озеро вокруг представля-

лось одной большой кастрюлей, в которой рыбешки-самоубийцы дерутся за право стать как можно скорее ухой. Вечер, ночь и утро были заполнены небывалой рыбацкой удачей, которую олицетворяли два короба, набитые под завязку первосортными экземплярами пойманной рыбы. Но всему есть предел. Недосып и усталость делали своё дело, стоило закрыть глаза, и утомленное зрение вырубало все вокруг как щелчком створки фотоаппарата. Словно в каком-то виртуальном хороводе двигались вокруг сосенки и березки на берегу, приглашая в свой круг то безмятежно дремлющего на скамейке Славку, то меня самого вместе с удочками и спиннингами. В наступающих сумерках благодаря волевым усилиям удавалось из последних сил сохранять контроль за постоянно ныряющими в глубину поплавками, согнутыми до самой воды хлыстиками наших донок, натянутыми до предела лесками. Да, где-то там, в водной глубине, крупное окуньё и судачки вели с нами сражение за жизнь, хотя итог этой борьбы был уже предreshен стальными крючками и прочнейшей импортной леской. Поэтому бросать все и торопиться с отъездом казалось неразумным.

На хорошей рыбалке время мчится с бешеной скоростью. Пришла пора вспомнить об оставленных на берегу женах и предстоящей ночевке в палатках и самом главном — как успеть почистить до сна наш улов, подсолить рыбу, уложив в подготовленные пластиковые коробки...

Догорает один из чудеснейших июльских деньков. Мы заслужили право думать, что сегодня именно для нас природа трудилась, не жалея красок, создавала свое гениальное полотно, достойное кисти если не самого Айвазовского, то уж точно какого-то из лучших карельских маринистов. Представьте такую картину: по голубой, а правильнее было сказать, темно-серебристой глади Сямозера — одного из красивейших озер Карелии, при полном безветрии, ныряя между островов, окаймленных тростниковыми зарослями, несется, оставляя за собой белые пенистые буруны, красивый катерок, выкрашенный под цвет морской волны «ШМП 13-79». Уставшая от яростного недельного зноя природа спешит окунуться в прохладу очень близкой ночи.

На заводах начинают формироваться полосы молочно-белого тумана, в который ныряют, падая с высоты, десятки разнокалиберных чаек. У них на этих заводах больше недели стоит пир горой. Идут на нерест большие косяки салаки. Поживиться есть чем и чайкам, и судакам, и щукам. Только мы на этом пиру жизни сейчас были бы лишними. Ночной недосып в течение двух дней вновь дает о себе знать. Спасу нет, как хочется хоть часок вздремнуть. Хоть спички между веками ставь, чтобы не заснуть! Я за капитана на руле. Мой приятель сломался, не смог выдержать, лег на уголок носовой скамейки, и мне стоит гигантских усилий его разбудить. Чтобы как-то продержаться и не заснуть, мы по очереди и хором горланом песенную дребедень, составленную из спортивных маршей, гимнов покорителей целины, строителей БАМа, хулиганские частушки. Вот уже показалась за поворотом полоска прибрежной косы, на ней четко прорисовываются островерхие купола наших палаток, струится легкий дымок костров. Ясное дело, не дожидаясь нашей ухи, Томочка, Светлана и Нина готовят на скорую руку из того, что есть, — какую-то похлебку, чаёк с заваркой из брусничных и морошковых листьев.

— Вот и все, Слава, считай, мы уже дома! Через 15-20 минут повиснет на твоей шее Томочка, прагматики Нина и Света помчатся к катеру, чтобы вытащить наш улов, остатки нашей провизии. Интересно, Слава, ты хоть на минуту задумывался, как мы сохраним добычу без холодильников и запаса соли?

— Успокойся, Генка, всё продумано... — но закончить свою мысль ему не удалось.

Произошло что-то непостижимое. Словно рука какого-то гиганта схватила за нос мчавшийся на полном ходу катер, винтом вывернула его из воды, поставив «на попа» и окунула в водную глубь. В тот же момент эта глубь выплюнула нас наверх вместе со всем барахлом, включая торбы с рыбой, пустые канистры изпод бензина и тряпье. Мы со Славкой барахтались у бортов перевернутого катера, пытались хоть как-то понять произошедшее, но ничего кроме тупого мычания, фыркания и матюгов со стороны дружка до меня не доносилось. А потом навалилась жуткая пугающая тишина и соображение: «До берега метров 300, не

меньше, если снять сапоги — доплыть не проблема».

— Можешь сам снять сапоги? Если нет, я помогу, — обращаюсь я к Славе. В ответ слышу кашель и бульканье воздуха, выходящего из пустых канистр.

— Так что же это было, Генка? — обращается он ко мне дрожащим голосом. — Кажись, под нами какой-то снаряд военной поры рванул, не иначе. Ничего понять не могу!

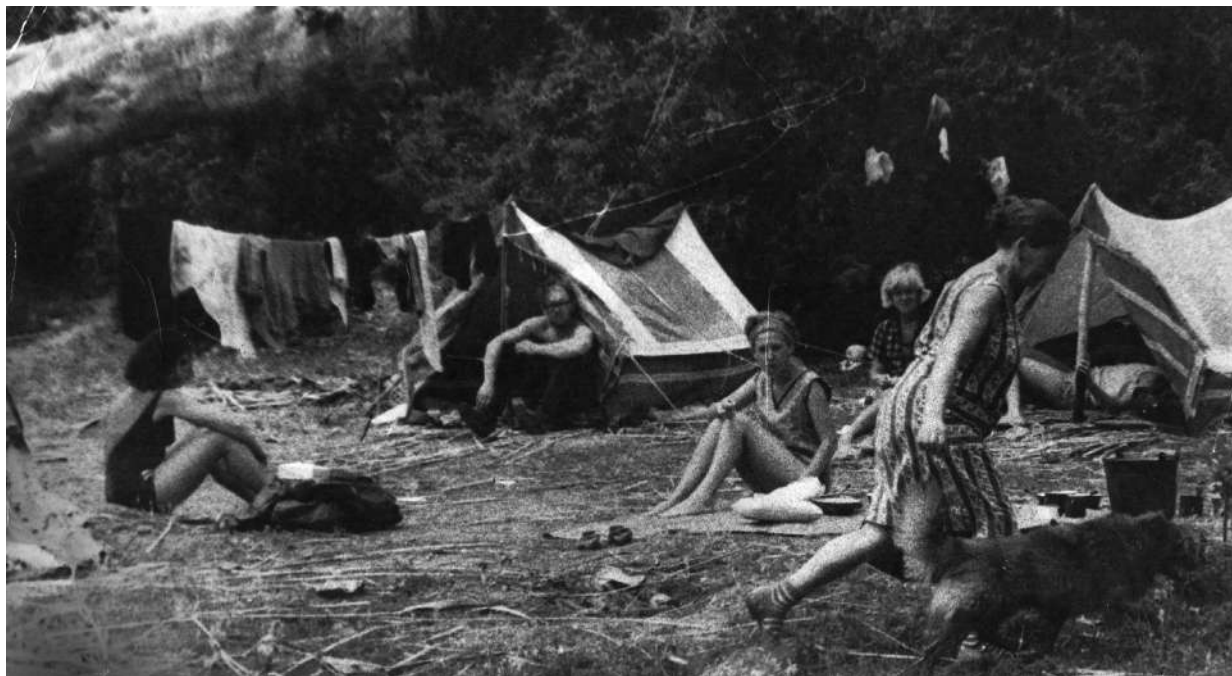
— Вполне возможно, — откликаюсь я, — лежала 30 лет на дне стальная чушка — есть не просила, пока мы по ней винтом своего движка не рубанули. У меня в башке другое. А вдруг это инопланетяне хулиганят? Странно как-то, и взрыва вроде бы не было, и грохота, а подлетели мы вместе с катером вверх тормашками метра на два-три.

— Катерок-то наш молодцом держится в отличие от нас. Вот что значит и бак непотопляемости в носу, и плиты пенопласта по бортам. Не будь этого — пускали бы мы сейчас пузыри на дне этого замечательного водоема.

— Если чувство юмора не потеряно — жить будем, — вдохновляю я приятеля. — Давай по-быстрому соображать, как нам аккуратно с умом решить нашу проблему.

Начинаем экспериментировать. На счет два-три навалились разом всей мощью своих могучих тел на один из бортов катера. О чудо! Катерок, словно живое существо, уловил наш замысел перевернуть его в нормальное положение, дернулся и вот уже переворачивается, открывая доступ внутрь. Полдела сделано, теперь предстояло вычерпать воду изнутри и вернуть суденышку потерянную плавучесть. Как тут не вспомнить сохраненную предками для нас мудрость: «Если не падать духом, собрать волю и силы в кулак, даже самый закоренелый идиот открывает в себе таланты гения, многократно умноженные силой, о которых ни он сам, ни жена, ни друзья даже предположить не могли».

Слава богу, наш интеллект оказался на порядок выше. Решение было найдено почти мгновенно. Не претендуя на лавры идиота и гения в одном лице, мы мгновенно отстегнули от корпуса мотора защитный кожух и — главная проблема была решена. Лучшего ведра для вычерпывания воды из катера, находясь за бортом, было не придумать.

Понятное дело, о борьбе за жизнь рыбаков речь уже не шла, терзало душу совсем другое — как найти и поднять наверх наш драгоценный рыбацкий арсенал — разбросанные по дну удочки, спиннинги, коробки с блеснами и другое. Вокруг катера плавали брюхом вверх крупные окуни, лещи, небольшие щучки, судачки. Пока волна не разогнала нашу рыбацкую добычу, надо было все выловить, закинуть внутрь катера и подумать, можно ли найти на озерном дне весь наш ценный инвентарь. Пока мой дружок плавал вокруг катера, собирая окуней и лещей, я занялся самым ответственным делом — стал выбирать, складывая в лоток, длиннющую стропу, один конец которой был привязан к большому разлапистому чугунному якорю, а другой к рыму на носу катера. Подтянул к себе якорь и просто не поверил тому, что увидел. Подо мной обнаружилась глубина меньше человеческого роста. Можно было стоять, высунувшись по горло из воды, и спокойно бродить вокруг катера. Стала ясна и причина нашей аварии. Судя по всему, якорь вместе с мотком стропы был уложен на носу дребезжащей, вибрирующей поверхности катера, узел потихонечку ослаб, потом развязался, и на каком-то повороте якорь выскользнул за борт. Он тащился за катером на глубине до тех пор,

пока мы не вылетели на мелководье. Затем — зацеп якоря за дно, удар, рывок и — хоп, мы все вместе полетели в воду вверх тормашками.

— Какая умная голова уложила якорь с мотком стропы на носу катера и не привязала его как следует к рыму? — грозно спрашиваю я, обращаясь к Славе.

— Какая голова? Известно, твоя, — отвечает мне Слава, выплевывая фонтан воды. — Вспомни, что нам говорил Вася Маккоев на берегу.

Мы отвели душу, наругавшись за беспечность. Договорились о нашем подвиге никому не рассказывать. Хвастаться вроде бы было нечем. За какие-то полчаса практически вся рыба была собрана, походная амуниция отжата от воды и развешена по бортам. Предстояло нашарить в донном песке наши драгоценности. Чтобы не занимать руки, я достал из бардачка в носу катера и повесил на пояс большую продовольственную авоську, затем надел ласты, маску, дыхательную трубку и нырнул за борт. Ценности были вскоре обнаружены, спиннинги с тяжёлыми катушками лежали так, как будто ждали нас, теперь предстояло отыскать коробки с импортными блёснами, которым, по мнению знатоков, не было цены. Нашел. Но возвращаться в катер не хотелось, вода была теплая, как парное молоко, она растворила усталость,

и дремота ушла, как будто ее не было. Хотелось просто поваляться на волне кверху брюхом, как наши заморенные окуни, не шевеля «плавниками», развернуться лицом вниз и пройтись полсотни метров над придонным песком.

Неожиданно нашлось интересное занятие. Обнаружилось, что метров 200 песчаной косы были сплошь усеяны разнокалиберными черепками битой глиняной посуды, бывшей, очевидно, когда-то горшками, кувшинами и прочей кухонной утварью. Поднырнул, поднял со дна самые большие из них. Черепки как черепки! Правда, на некоторых из них сохранились остатки диковинных узоров, выдавленных палочкой гончара с наружной стороны. Странное дело, возвращать их снова на дно почему-то не хотелось. Мешала репортерская память, ощущение того, что где-то, когда-то что-то похожее я уже видел и, возможно, даже держал в руках. Стоп! Конечно, видел, конечно, держал, где-то около пяти лет тому назад в лаборатории Института истории Карельского филиала АН. Я тогда готовил для воскресной передачи Центрального радио «С добрым утром» репортаж о потрясающем археологическом открытии ученых археологов Карелии на месте древнейшего поселения древних людей на берегу Белого моря. Слушая удивительный рассказ карельских ученых археологов — доктора наук Юрия Александровича Савватеева и его помощника — кандидата исторических наук Журавлева про то, как много может рассказать специалисту обыкновенный, казалось бы, черепок о жизни пещерного человека более 10 тысяч лет назад, о его бытовых заботах, взаимоотношениях в племени, ситуациях на охоте.

Похоже, что мне, абсолютному профану в археологии, несказанно повезло. Неужели мы со Славкой случайно сделали открытие, которое поможет настоящим археологам оживить еще одну страницу в древнейшей истории нашего края.

Я насобирав в свою сумку огромное количество артефактов, стараясь подбирать их так, чтобы они отличались друг от друга. Предстояло как-то закинуть мою тяжелую поклажу внутрь катера и при этом не рассыпать. С огромным трудом перевалил эти ценности внутрь, отгоняя неприятную мыслишку: «Не зря ли я стараюсь, нужен ли кому-то этот каменный хлам?»

Славка довольно равнодушно воспринял мои восторги по поводу неожиданных находок со дна Сямозера. Он посоветовал «шваркнуть» куда-нибудь эти черепки с камнями в дальний угол на дне катера, а лучше всего полюбоваться каменным ломом и выкинуть все назад в родную стихию. Инженеру чужда романтика гуманитария. Ему гораздо важнее сейчас подсушить магнето мотора, оживить его и умчаться катер назад на наш родной берег. Через какие-нибудь полчаса наш мотор взревел всеми своими тридцатью лошадиными силами и в мгновение ока примчал корабль к долгожданному берегу.

Нас радостно встретили жены и тут же немедленно кинулись к катеру, чтобы забрать наш улов, развесить на просушку мокрую одежду. Хочешь не хочешь, пришлось рассказать о наших злоключениях, об археологических подарках Нептуна, поднятых со дна песчаной Сямозерской косы. Женщины отнеслись к нашей исповеди очень спокойно. Дескать, и не такое приключалось с нашими мужиками, живы — и слава богу. Единственное, что серьезно озадачивало всю нашу компанию — как побыстрее почистить и подсолить около двух десятков крупных окуней, судаков, лещей. Взялись за работу дружно, и дело хоть с заминками, но пошло. Славе была поручена льготная работа — сварить в большом казане над костром «королевское блюдо» — тройную уху из самых крупных окуней и сига. А мне с женщинами выпала неблагоприятная участь ковыряться в рыбьих потрохах, вырывать и выбрасывать жабры, кишки и затем слегка подсолить тушки будущих балыков и бережно уложить все в эмалированном ведре, укладывая рядами через слой крапивы. Через час уже булькала над костром в огромном походном котле первая закладка «тройной» ухи. Приходилось бороться с соблазном сожрать все это разом и немедленно, не дожидаясь следующих закладок, но бдительные женщины этого не допустили.

День пережитых потрясений, усталость и стакан «Рымницкого» давали о себе знать. Веки вновь смыкались как бы сами собой, погружая в сладкое забытие. Реальность выплывала как из тумана. Я пытался отогнать навязчивое ощущение того, что вокруг меня буквально за последние часы произошли какие-то незримые,

но очень значимые изменения. «Déjà-vu» — так называется по-французски состояние души и тела, не объясненное до сих пор ни психиатрами, ни наукой. А в переводе на всех языках мира оно обозначает одно и то же: «Уже видел». Я видел и не видел то, что происходило вокруг. Вот моя Ниночка мчится с двумя котелками на берег, чтобы зачерпнуть свежей водицы: в один котелок для новой порции ухи, в другой — для любителей почаевничать напитком из отвара брусничных и морошковых листьев.

Я гляжу в сторону женщин, собравшихся у костра, и явственно вижу, что они совершенно другие, не очень похожи на наших нынешних подруг. На бёдрах одной из них что-то вроде рогожи, на плечах накидка то ли из заячьих, то ли из лисьих шкур, космы жирных волос заплетены в две тугие косы. Обняв обеими руками большой тяжелый глиняный кувшин, женщина медленным «птичьим шагом» несет свою ценную ношу к кострищу, рассчитывая каждый шаг, чтобы не дай бог не споткнуться, не упасть и не разбить очень ценный предмет пещерной кухонной утвари. Моя рука вроде бы автоматически шарит по днищу походной корзины, доверху набитой артефактами. Вот этот предмет — большая пластина кремниевое скола, поднятая несколько часов назад на песчаном мелководье. Один край ее, на мой взгляд, может быть острее опасной бритвы. Проверить это в деле ничего не стоит. Я встал рядом с Томочкой, которая с усердием пытается шкерить скользкие окуневые и лещовые тушки обыкновенным кухонным ножом. У нее это не здорово получается. Острый нож не справляется с ответственной работой. Томочка с раздражением бросает нож, обращаясь ко мне и к Славе:

— Эй, мечтатели, очнитесь, хватит дурака валять, займитесь чисткой рыбы. Еще полсуток вашей археологической философии, и рыба завоняет. Придется все подарить местному зверью.

По два раза просить в нашей компании не принято, надо так надо!

— Хотелось бы увидеть, Генка, как в ваши древние времена бабы-папуаски чистили здесь рыбу? Они что, ногтями вырывали брюшины у судаков или зубами ее откусывали? — подзадерживает меня Светлана.

О чем спорить, если это можно легко проверить. Я крепко стиснул двумя пальцами чешуйку кремния с остро отточенной режущей кромкой — предполагаемый нож! Легким нажатием провел острой закраиной скола по брюшине. Тушка судака развалилась в обе стороны, как томик большой книги.

— Ну ты настоящий волшебник, Гена! — сказали потрясенные увиденным свидетели.

Теперь уже мои дамы, забыв на минуту об ухе, с неподдельным интересом роются в моей торбе, вынимая для рассмотрения обломки древних каменных долот, кремниевые наконечники копий и дротиков, и с интересом расспрашивают меня об их возможном бытовом применении. Так неожиданно я приобрел в их лице первых союзников. Особое внимание исследователей привлек самый большой обломок глиняного горшка, обожженный изнутри тысячелетия тому назад мощным испепеляющим огнем. Наружная поверхность черепка сохранила фрагменты рисунков, символов, обозначающих, очевидно, что-то очень значимое. Выдавленные древним гончаром на сырой глине кружочки, треугольнички, веточки елей были выстроены друг за другом в одну линию и, очевидно, в далеком прошлом могли быть какими-то письменами. И вполне возможно, что «читатели» тоже были. Но это так, плод досужего ума. Вспомнив рассказы знатоков археологов, я вполне мог предположить, что обожженный изнутри черепок не что иное, как часть древнего очага. Занесенные вглубь пещеры такие горшки с раскаленными углями до краев спасали в ненастье и морозные зимы пещерный люд от холода и болезней. Огромные стены этих глиняных емкостей годились также как обогреватели жилья, и как калориферы для просушки всех видов одежды и обуви, и даже вяленья мяса и рыбы для запаса впрок. Мы теперь уже все вместе несемся вперед в своих гипотетических предположениях и мечтаниях о новых возможных открытиях теперь уже завтрашнего дня. Слава богу, сейчас у меня есть союзницы!

— Вот было бы здорово откопать в каком-нибудь засыпанном песке один из таких горшков в целости, представляешь, сколько он мог бы рассказать о жизни наших северных папуасов!

Да, мечтать никому не вредно, тем более что сейчас наша коллективная фантазия разыгрывает одну за другой новые панорамы пещерной жизни, но теперь это происходит уже без меня. В мыслях я был уже где-то очень далеко в многовековой дали. Закрыв глаза, я совершенно явственно продолжал слышать гортанную речь бородатых лохматых людей, одетых во что-то похожее на плащи из оленьих, лисьих шкур. Они сгребали в большую кучу раскаленные угли прогоревшего костра и, воткнув по обе стороны костра шесты-рогатины, водружали над огнем тушу медвежонка. Рядом с кострищем стояли только что снятые с огня глиняные горшки, из которых торчали во все стороны хвосты и хребты все той же крупной сямозерской рыбы. Да, судя по всему, летом древнему люду чувство голода было не знакомо. Так же как и у нас сегодня, эти горшки дышали ароматами крутой ухи и призывали всех начать пиршество. Моя задумчивость и отстраненность уже не удивляла друзей.

— Не мешайте моему мужику творить, он уже мысленно роман пишет о своих вчерашних подвигах, и, может быть, всем нам на его страницах место найдется, — защищает меня моя Ниночка.

— Ничего подобного, за роман возьмемся позднее, — возражаю я, — а сейчас у меня просто руки чешутся подняться на горюшку вон к тому валуну с плоской крышей и покопаться немного моей саперной лопаточкой у основания. Этот валун вполне мог быть у древних людей обыкновенной столешницей или кузнечной наковальней по обработке кремниевых пластин вроде той, что сейчас в руках Светланы. Кто пойдёт со мной?

Сказано — сделано! Вот уже мы вдвоем со Светланой азартно разгребаем лопаткой песок у основания булыжника. Когда захотелось бросить это почти безнадежное дело, острое лопатки ударило обо что-то твердое — выяснилось — это россыпь щебенки. Два-три черепка дробленого камня вынесли на поверхность вместе с остатками древесного угля вполне узнаваемые по форме и назначению обломки отбракованных древним «кузнецом» предметов: то ли долот, то ли скребков, то ли оголовки каменных топоров. Конечно, это везение! Вот уж действительно, как тут не поверить народной

присказке: «Новичкам, пьяницам и дуракам на промыслах незаслуженно везет больше всех». Посмеявшись, мы со Светой и Тamarой приняли за истину только первый постулат, а все остальное оставалось пока что недоказанным. Тут совершенно некстати проснулись угрызения совести. Вспомнилось, как мои друзья-археологи переживали из-за того, что «черные копатели» вроде нас лишали профессионалов радости открытия и саму возможность воскресить события древности с документальной точностью. Нам уже вполне хватало обретенных радостей, а все остальное — дружно решили подарить вместе с координатами открытой стоянки нашим замечательным археологам.

Трудно представить, что на том месте, где сегодня установлены наши палатки, были входы в глубокие пещеры, а вот на этих квадратных подставках из малинового кварцита в кострище, где сейчас закипает вторая закладка ухи в алюминиевых кастрюлях, некогда стояли большие глиняные горшки. В них на грани кипения до половины дня варились большие куски оленьины, лосятины или другой лесной живности. Вокруг костра толпились, оглашая округу воплями голодного нетерпения, женщины, дети, волосатые мужики в одеждах из рогожи и оленьих шкур. Между ног у собравшихся крутились верные помощники на охоте — одомашненные собаки. Каждый рассчитывал на свою законную долю в будущей трапезе, и каждый получал ее.

По глазам моих друзей было видно, они утратили равнодушие и теперь завидуют людям, способным к фантазерству. Разделить со мной радость первооткрывателя у них явно не получается. И хотя ценность моих находок и исследовательские восторги как были, так и остаются для них загадкой, но сочувствия к доморощенным археологам явно прибавилось. И в результате дрогнули суровые женские сердца.

— Черт с вами, мужики, считайте, что уговорили! Еще на один денек мы остаемся с вами. Нам тоже здесь нравится. Пока вы тут как кроты роетесь в песке, мы с Томой и Светой сходим на соседнее болотце морошку собирать. А рыбу кто-нибудь из вас отвезет на катере в холодильник Сяпсинской больницы. Завтра с утра и до обеда забудьте о нас. Плавайте, ныряйте, собирайте эти дурацкие черепки и камни, вдруг что-нибудь дельное найдете. Только нам

этой археологией больше голову не морочьте. Обернитесь, посмотрите, какая красотища вокруг!

И действительно, на холмах лохматые вековые сосны шапками нам машут, в тростниковых зарослях стаи чаек, уток и гагар носятся как угорелые и орут, словно мы их птенцов жизни лишаем. В камышах каждую минуту кто-то доской по воде шлепает. Славка говорит, что это или большая щука плотву гоняет, или лещ жирует на мелководе. Я слушаю всё это, а взор мой гуляет далеко по вершине холма, и вдруг на его крутом склоне, обращённом к озеру, я вижу около двух дюжин широких оспин правильной округлой формы. Если судить по кадрам военной хроники, они напоминают воронки крупнокалиберных снарядов, лунки выстроились двумя шеренгами вдоль склона. Сердце замерло от правдоподобной догадки. Ее подсказали мне когда-то во время репортажа замечательные ученые-археологи Карелии профессор, доктор наук Юрий Александрович Савватеев и его коллега — кандидат наук Журавлев. Конечно, это места бывших пещер, именно здесь, как во многих других местах, прошедшие тысячелетия старались размыть и спрятать следы

древних людей позднего каменного века. Но уже в наши дни кануть в Лету ученые и энтузиасты краеведы этому не дали. Мои новые друзья только что вернулись из удачной экспедиции в беломорское урочище Залавруга.

Были открыты и обследованы несколько новых самых древних на Карельском севере стоянок людей эпохи неолита. Вместе с ними я подготовил два репортажа — один для воскресного выпуска программы «Маяк» под рубрикой «Места, в которых мы бывали», другой — для утренней детской передачи «Пионерская зорька». Магнитофонные записи и фотосъемка проводились в огромном хранилище артефактов Института истории и археологии Карельского филиала Академии наук. Стеллажи и полки хранилища были от пола до потолка уставлены десятками ящиков, доверху заполненных черепками глиняных сосудов самого различного размера, обломками орудий каменного века, выброшенными когда-то людьми как негодные. На взгляд дилетанта, каким я был тогда, большинство предметов мало чем отличались друг от друга, и мне было непонятно, зачем хранить такое безумное количество явно малоинтересных для науки предметов, не лучше ли было бы

отобрать среди них самые интересные и поставить на этом точку. Хорошо, что у меня хватило соображения не высказаться на этот счет. Каждый предмет был в оценке исследователей неповторим и нес на себе память о времени и бывших владельцах. На чертежах, рисунках, фотографиях были четко обозначены выстроенные в ряд оспины углублений, точь-в-точь повторяющие наши сямозерские.

Вот эти воронки и ямы не что иное, как места жилищ пещерных людей позднего каменного века. В таких землянках, вырытых на склонах холма, они переживали суровые морозные дни, спасались от хищных зверей, от набегов злых и голодных соседей. Прошло время, ушли люди, своды пещер обрушились, на их месте остались оспины в виде больших воронок.

И вот сейчас, вспоминая эту встречу, я впервые ощутил очень хорошее чувство причастности ко всему, что происходило здесь в далеком историческом прошлом и что происходит сейчас. Вполне возможно, это совсем не случайные встречи. Математики, изучающие теорию больших и малых чисел, и философы давно пришли к единому мнению о том, что в природе существует не осмысленный наукой процесс превращения повторяющихся случайностей в закономерность. Каждый внимательный, тонко чувствующий обстановку вокруг себя человек может подтвердить это на примерах своей жизни. Вот и сейчас у меня и моих друзей появилось право думать, что все вокруг, и эта песчаная береговая коса, и полоска маленьких островков с лохматыми сосновыми рощицами, и огромные скальные нагромождения на границе воды и берега давно ждали таких, как мы, неугомонных искателей и фантазеров. Мы получили право продолжить рассказы ученых историков о том, что именно здесь на забытом Богом и людьми заветном уголке карельской земли много веков назад обитало большое племя достойных своего времени людей — охотников, рыбаков, искателей счастья и удачи на бескрайних просторах Севера. Мне казалось, что думать так у меня право есть и дал его не кто-нибудь, а один из патриархов историко-археологической науки России, ученый археолог и писатель Александр Линевский, автор знаменитой повести «Листы каменной книги».

* * *

Жизнь свела нас в студенческом литературном клубе Петрозаводского университета осенью 1969 года. На встрече, проходившей под рубрикой «Голоса молодых» обсуждались первые достойные внимания стихи Виктора Потиевского и мой первый литературный опус, адресованный школьной детворе, под названием «Конец бородатой вороны».

Моими оппонентами были старшекурсники филфака, которые почему-то критически оценили мой первый литературный труд. Слушая их эмоциональные выпады в свой адрес, я был морально подавлен жестокостью оценок знатоков и пал духом, слушая упреки в надуманности некоторых событий, показанных в рассказе. Критика была не всегда справедливой. Отношение к автору в корне изменилось после выступления в мою поддержку почетного гостя студенческого литературного объединения, писателя с мировым литературным авторитетом, автора книги-эпопеи «Беломорье» и в особенности научно-популярной повести «Листы каменной книги», создавшей панораму жизни людей первобытных общин на Севере нашей страны, их борьбу за выживание в суровых условиях доледникового периода. Удивительно было и мне самому, и моим критикам ощутить и понять, как сила писательского интеллекта превращала почти все упреки и выпады в мой адрес в плюсы авторского литературного поиска. Мы слушали писателя затаив дыхание, потому что все, о чем он рассказывал и в чем пытался убедить нас, превращало его мысли в элементы нашей творческой лаборатории.

«Этот ваш рассказик «Конец бородатой вороны» — недурно, недурно представлен, как первый опыт пера. Но литературщина, подражательность классикам местами, как говорится, просто в ноздрю бьет. И все же я бы рекомендовал коллегам из журнала «На рубеже» опубликовать его в рубрике «Голоса молодых». Но, друг мой, почистить текст вам надо все-таки основательно...»

Разумеется, обо мне все тут же забыли, потому что дальше разворачивалась дискуссия о самом главном — о праве писателя использовать документы, воспоминания героев повестей и

рассказов, а также архивные и музейные артефакты, опираясь на собственную интуицию, полет фантазии и художественный домысел. Ливневский вдохновенно рассказывал, обращаясь к собственному опыту, как уживаются в душе и характере художника правда факта, интуиция, опыт и опора на исторические документы. Когда зашел разговор о возможности заглянуть в его собственную творческую мастерскую, он рассмеялся и предложил любопытствующим еще раз прочитать его повесть «Листы каменной книги» и роман «Бушует Беломорье», там ответы на все вопросы любопытным. «Я был бы счастлив узнать, что кто-либо из вас готов сделать одной из целей своей жизни повторение моей писательской судьбы».

У меня не хватило бы смелости представить тогда, что это шуточное пожелание сможет иметь хоть какое-то отношение ко мне.

Но, говорят, человек предполагает, а Господь Бог располагает, и журналистика, и писательство нашли место в моей жизни.

Через пару дней после возвращения в Петрозаводск, казалось, ноги сами понесли меня к главному хранилищу древностей, к архивным стеллажам Института истории и моим старым знакомым Савватееву и Журавлеву. Все «сокровища», поднятые со дна на сямозерской песчаной косе, едва умещались в большой сумке, и было трудно понять, как мне удалось закинуть этот груз из воды в катер.

На входе вахтер, прощупывая меня с ног до головы острым взглядом, долго соображал, пропускать внутрь здания или нет. Наконец-то он поднял трубку:

— Юрий Александрович, тут у меня на вахте какой-то непонятный и небритый мужик приволок торбу с камнями, говорит, что это ценный подарок для вас и вы будете этому очень рады. Чудак какой-то! Я видел этот подарок — обыкновенный строительный мусор. Тащить пуды камней без лифта на 5-й этаж, а потом назад, чтобы выкинуть? Может быть, сразу — в помойный ящик?.. Значит, говорите, извиниться и помоч дотащить в кабинет?

Савватеев и его коллега Журавлев встретили меня как давнего друга.

— Я не знаю, что у тебя в сумке, но пока суд да дело, хочу сказать тебе огромное спасибо за твои репортажи на Всесоюзном радио. Как тебе удалось? Я целый час говорил с тобой об экспедиции, а ты уложил всё в пять минут репортажа. И всё по делу — ничего лишнего! Ну, давай, вываливай на пол свои находки, посмотрим, что у тебя за ценности для мировой науки.

Я в одно мгновение вывернул сумку со своим добром прямо на пол кабинета и с удовольствием наблюдал, как у моих собеседников исчезали с лица улыбки снисходительности. Юрий Александрович и его сотрудник присели на корточки у моих артефактов. Молча хватили то одну, то другую находку, сопровождая увиденное возгласами удивления и восторга. Первым нарушил молчание Савватеев:

— Да, фантастика! И ты, Геннадий Иванович, хочешь нас убедить, что эти замечательные артефакты собрал в одном месте на излучине Сямозера и еще в какой-то ямке на вершине холма? Да такого быть не может, потому что просто не может быть. Все эти черепки, обломки каменных топоров, долот и другие орудия древних людей — свидетели и участники разных событий, произошедших в разные времена неолита, палеолита, и суммарный возраст их может превышать возраст древнейших египетских пирамид. Задумаешься об этом — просто оторопь берет! Чуть какая-то! И это все хозяйство лежало не под глубинными песчаными наносами, а в одном месте, почти что на берегу, словно дожидаясь таких, как ты и твои ребята — чудаков?

— Нате вам, соображайте сами, что, откуда, почему, — я с раздражением комментирую сдержанную оценку наших трудов. Вот уже на большом письменном столе развернута топографическая карта с координатами бывших археологических раскопок. Я без труда нахожу на ней и Сямозеро, и место нашей стоянки на берегу, и помалкиваю, слушая экспромтные гипотезы ученых мужиков о характере всего, что здесь в былые времена происходило. Объединяющая всех мысль сводилась к признанию очевидного факта: Сямозеро — озеро с гуляющей береговой линией. В течение многих веков и тысячелетий оно меняло свои очертания, то набегая на низкий болотистый берег, то отво-

евывая у песчаных сопок новые пространства, то вновь откатываясь назад. Волны озера в штормовую погоду перемешали многовековые культурные наслоения, перекидывая с места на место все, что становилось добычей воды. Кроме общих слов благодарности, ученые обрадовали меня своей решимостью уже в следующем году начать на месте нашего бивуака серьезные археологические раскопки.

Учёные клялись увековечить имя первооткрывателей в своих научных кондуитах, но я-то уже по опыту знал, что это, скорее всего, в суете общих забот будет забыто. Хотелось оставить для себя что-то на память, и, чтобы не вступать в конфликт с наукой, я незаметно закинул в свои бездонные карманы несколько самых симпатичных обломков.

Все эти предметы с помощью клея БФ-6 я приклеил на картонный планшет и пристроил на фасаде дачного камина. Иногда гости во время праздничного застолья после пары-другой рюмок снимают планшет, чтобы уже в который раз погладить шершавые камешки, бывшие когда-то ножами для разделки звериных туш, долотами для выдалбливания из древесных стволов рыбацких челноков, наконечниками охотничьих копий, дротиков, топоров.

Кажется, что эти невзрачные камешки, глиняные осколки сосудов сохранили ауру душ своих создателей и до сих пор излучают тепло рук древних умельцев, живших в суровую эпоху неолита.

Под весёлое потрескивание поленьев в камине мы ударяемся в воспоминания о ярких событиях нашей молодости, и обыкновеннейшие охотничьи и рыбацкие байки о невероятнейших событиях и приключениях обретают новую жизнь, подтверждённую честным словом и клятвенными свидетельствами очевидцев.

Друзья убеждены, что они должны стать достоянием читателей. Я пообещал, что попробую выдать на их суд серию юмористических рассказов, но это уже другая тема и другой жанр.

Геннадий Иванович ЗАХАРОВ

родился в 1938 г. в Петрозаводске в семье железнодорожников. Окончил Петрозаводский государственный университет и Ленинградскую высшую партийную школу. Работал тележурналистом, собкором Гостелерадио СССР по Карелии, заместителем председателя Гостелерадио Карельской АССР. Автор книг и многих научных статей в региональных, российских и зарубежных изданиях по ключевым вопросам развития системы дополнительного профессионального образования в республике и стране. Имеет государственные награды, в том числе медали ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степеней. Награжден зарубежными орденами «Золотой Меркурий» и «Объединенная Европа». Почетный работник высшего профессионального образования России. Почетный гражданин Петрозаводска.

